

ВИКТОР ПИВОВАРОВ:

Я делал выставки из воздуха

Виктор ПИВОВАРОВ, хотя давно уже не живет в России, и сегодня остается одним из действенных, влиятельных лиц и в русском интернациональном художественном сообществе, и в музейной жизни Москвы, только что почтившей мэтра открытием персональных парных выставок в Третьяковской галерее и галерее XL. Как ему это удается, художник рассказал нашему корреспонденту.

– Живя в Праге, как часто вы бываете в Москве?

– Это прежде всего вопрос денег. Дорога очень дорогая: как ни парадоксально, билет на самолет стоит практически столько же, сколько до Нью-Йорка. Я стараюсь приезжать каждый год, вначале же, когда это было доступнее, появлялся даже дважды в году. Я очень дорожу дружескими контактами, и меня интересует, что происходит в искусстве. Но в последние года два-три я почти потерял этот контакт и стал плохо разбираться в том, что здесь происходит.

– Я, например, не знал, что вы с такой периодичностью приезжаете в Москву...

– У меня здесь даже было четыре выставки! Это были небольшие галереи, отдельные циклы... Репрезентативный показ ведь стоит денег, но не было институции, которая бы взяла на себя расходы по перевозке и т.д. Поэтому я придумал делать выставки "из воздуха". Первую выставку сделал из ксерокопий разных картинок: из журналов, книг, моих собственных рисунков. Вторую выставку я привез в кармане. Это были альбомные листы из цикла "Действующие лица", которые сейчас выставлены в Третьяковке. Альбом я расклеил, он занял маленький конвертик, но получилась полноценная выставка. Третью выставку, "Урок китайского", я

привез под мышкой. Это были свитки, свернутые в рулон.

– Последней акцией подобного рода было присутствие галереи "Пальто" на вашем вернисаже – художника, продававшего ваши работы прямо из-под полы пальто.

– Мне очень это понравилось!

– Ваше искусство концептуально, оно, по определению, связано с остранением, с возможностью посмотреть как бы извне на происходящее – в данном случае в Москве, где вы провели большую часть жизни. Поспособствовала ли жизнь в Праге усилению этого остранения?

– Думаю, что способствовала как остранению, так и приближению. Когда ты находишься вне предмета, ты, с одной стороны, способен к рефлексии, способен увидеть этот предмет целиком, но одновременно он становится тебе ближе – потому что у тебя его нет! Ты больше подвержен любви к предмету.

– Меня потрясло ваше открытое письмо издателю журнала "А – Я" Игорю Шелковскому (опубликованное в книге "О любви слова и изображения") – в первую очередь глубиной осознания проблем современного отечественного искусства. Вы считаете себя пессимистом? С вашей точки зрения, сейчас все так же плохо?

– Это письмо может звучать пессимистически, но это не единственный его уровень. Да, оно написано в жесткой манере. Но сам я – оптимистический пессимист. Такая капля здравого отчаяния всегда необходима. Что касается изменений, не знаю – в Москве так быстро меняются жизнь и культура, которая все более становится молодежной. А я даже не имею понятия о том, каким видится молодым людям мое поколение.

– Какую страну сейчас вы бы назвали самой благодатной для восприятия современного русского искусства?

– Тут не может быть никаких сомнений: Германия. Никто не дает столько, сколько Германия с ее ог-

ромными амбициями быть центром новой Европы. Несмотря на денежные кризисы, последние годы там делается огромное количество выставок, изданий, не говоря уже о таких мероприятиях, как "Москва – Берлин". Нигде в мире нет людей, которые так хорошо знают русское искусство. Это специалисты, иногда превосходящие даже русских по познаниям.

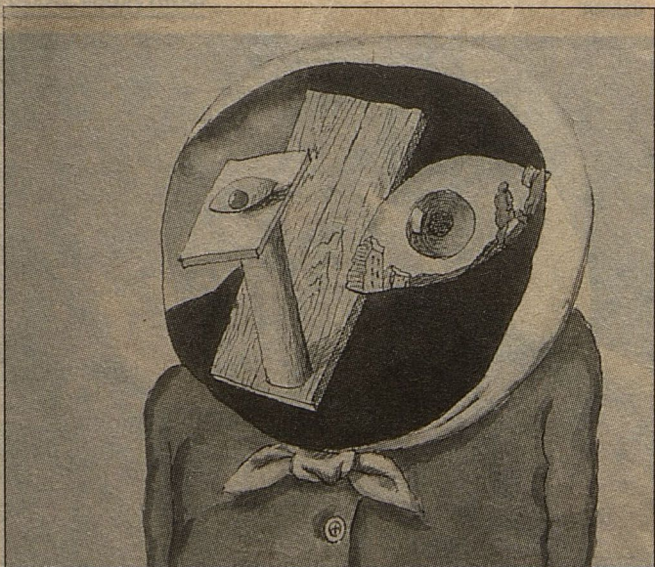
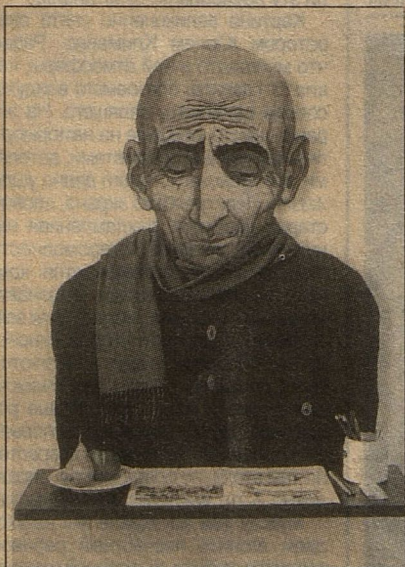
– Прага, по меткому определению одного из писавших о вас журналистов, – "внутренний карман европейского пиджачка". Вы в этом кармане, в чешской художественной жизни, по собственному признанию, – одна из центральных фигур. А какое качество вы бы выделили в ней как главное?

– Меня крайне уважительно там воспринимают. Я не могу пожаловаться на невниманье; у меня было большое количество выставок и публикаций в Чехии. Но я все равно остаюсь белой вороной. Я как бы "своей чужой": все-таки я не чешский художник. Сам я себя определяю как "русский художник, живущий в Праге". Вообще время движется к тому, что деление искусства "по национальному признаку" становится анахронизмом. По этой линии практически не делается выставок. Вы знаете, чешские художники очень талантливы в смысле эстетическом, ремесленном. Они и русских, которых там, кстати, очень много, засунут за пояс. Но с переменами в Европе в последние годы Прага становится провинцией. Раньше она была каким-то самостоятельным "телом", может быть, малозаметным, но самостоятельным. А сейчас, будучи провинцией Европы, она получает совершенно иной духовный статус. Художники переживают это очень болезненно.

– А нет ли у вас аналогичного ощущения провинциальности относительно русского современного искусства?

– Не могу сказать. Боюсь оказаться голословным.

Беседу вел
Сергей ПОПОВ

Слева: В.Пивоваров. "Портрет Г.Татузова". 1998 г.
Справа: "Я тебя жду, а ты не идешь и не идешь...". Из альбома "Действующие лица". 1996 г.

Культура. - 2004. - 18-24 марта. с.10